3.2.99. 166

ФУЭТЕ

Моск. комсомолец — 1999 — 3 февр. — с. 5

Давно замечено, что у русских поэтов особый зуд на все, что танцует и движется. Как увидят танцующую голую дивчину, так сразу про нее стих сочинят или в поэме одухотворят. И началась эта поэтическая балетомания совсем не с Пушкина, воспевшего танцовщицу Авдотью Истомину, как думают те интеллектуалы, кто прочитал в школе "Евгения Онегина", а несколько раньше.

Пушкину и его балетным шалостям будет посвящен специальный выпуск "Фуэте". А сейчас хочется рассказать о других поэтах, околдованных музой танца, и об их балетных романах. Нет такого сборника, энциклопедии, учебника, где поэтическо-балетные строфы были бы собраны вместе. Это делаем мы. Как говорится, впервые, эксклюзивно и только для вас.

КРАСАВИЦА, С КОТОРОЮ НЕ ЛЯЖЕШЬ

Тамара Карсавина.

Смерть под колосниками

От наших взоров ты сокрылась, как звезда,
Котора, в ясну ночь по небу пролетая
И взоры путников сияньем изумляя,
Во мраке исчезает вдруг
И в думу скорбную их погружает дух.

О ком это? Кто написал эти строфы? Поэт Николай Гнедич на смерть танцовщицы Марии Даниловой.

Ее называли царицей танца, богиней, а когда жизнь Даниловой оборвалась, ей было всего семнадцать лет. Любимая ученица прославленного Шарля Дидло Данилова еще девочкой выступала в его балетах. Сразу после окончания училища была зачислена в труппу Большого Петербургского театра, мгновенно стала любимицей публики. Поклонники сходили по ней с ума. "Благородные черты лица, стройный стан, волны светло-русых волос, голубые глаза, нежные и вместе с тем пламенные, необыкновенная грациозность движений, маленькая ножка" делали ее красавицей, а воздушная легкость танцев олицетворяла эфирную жрицу Терпсихоры.

Она была зачислена в труппу в конце 1809 года, а умерла 20 января 1810-го. Станцевав при этом свыше 60 главных партий. Что стало причиной столь ранней смерти? Одни говорят о неудачной любви. Будто юная Данилова влюбилась в знаменитого танцовщика Дюпора. А он, злодей, пообещав любить до гроба, обманул и бросил. Другие эту версию отвергают, утверждая, что Данилова, танцуя с Дюпором, была еще воспитанницей училища и находилась под строгим наблюдением. Никакой любви там и в помине быть не могло. И называют иную, не романтическую, а реалистическую версию.

На одной из репетиций балета "Амур и Психея" Данилова пробовала полет 3-го акта, когда ее свергают в ад. Танцовщицу подняли высоко к софитам, предварительно прикрепив к ее корсету крюк. Все это управлялось особой машиной полета. Сверху она должна была опуститься с чрезвычайной быстротою, чтобы похоже было на действительное падение. Но в машине что-то заклинило, произошел толчок, и Данилову, висевшую в воздухе, так сильно тряхнуло, что она пронзительно закричала. Тотчас же ее спустили, она была почти без чувств. Потом она рассказала своим подругам, что в минуту толчка машины у нее было такое чувство, будто что-то порвалось внутри. В этот же день у нее началось кровохарканье. Но на другой день она танцевала Психею и продолжала заниматься танцами. Эти усилия истощили ее организм, у Даниловой развилась чахотка. Весь Петербург принимал участие в страданиях своей любимицы; все приезжали справляться о ее здоровье, наконец, сам Государь Александр Павлович поручил ее попечениям своего доктора. Но все было напрасно, она скончалась.

Но что теперь в слезах?..
Она уж там, где нет ни слез, ни сокрушений,
Ни злобы умыслов, ни зависти гонений;
Она в хор чистых дев к Олимпу пронеслась
И в вечну цепь любви с Харитами слилась.

Скорбел Николай Гнедич, а вместе с ним и другие известные поэты — Михаил Милонов, Константин Батюшков, Николай Карамзин, Александр Измайлов, откликнувшиеся на смерть Даниловой проникновенными стихами.

Увлекательная женщина

У этого стихотворения нет названия. Но есть любовь Александра Грибоедова.

О, кто она? — Любовь, Харита,
Иль пери для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?

Несколько старомодно, но от чистого сердца. Поэтическое объяснение в любви Александра Грибоедова Екатерине Телешовой.

Екатерина Телешова (1804—1857) еще ученицей театрального училища выступала на петербургской сцене в балете Дидло "Зефир и Флора". Один из современников вспоминает: "Екатерина Александровна имела массу поклонников таланта и красоты. Это была увлекательная женщина, изящная и красивая. Она приходилась родственницей Ежовой — пассии князя Шаховского, потому пользовалась расположением закулисного начальства. Когда ей симпатизировал граф Милорадович, то услужливый Дидло назначил Телешовой те роли, которые нравились артистке, иначе говоря, самые выигрышные".

Именно у Шаховского познакомился Грибоедов с Телешовой. Вот что он сам об этом пишет в письме к С.Н.Бегичеву: "В три, четыре вечера Телешова меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей в жизни чернее угля выгорел. Между тем Телешова до такой степени в три недели нашей симпатии успела в танцах, что здесь не могли ей надивиться; всякий спрашивал ее, отчего такая перемена, такое совершенство. А я один стоя торжествовал; наконец разразился рифмами. С тех пор я остыл, реже вижусь, чтобы не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь не так закрыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость".

Спустя четыре года Грибоедов погибнет в Тегеране, а Телешова будет продолжать танцевать, пленяя поклонников своим эфирным искусством. Она оставит сцену в 1842 году, в возрасте тридцати восьми лет.

Танцовщица, которую любил солдат

Еще один поэт, и еще один балетно-поэтический роман. На этот раз действие происходит в Москве. Закаленный в боях воин, герой войны 1812 года, генерал-лейтенант, поэт-партизан Денис Давыдов воспылал страстью к танцовщице Татьяне Ивановой и посвятил ей три элегии. Туманные, длинные, громкозвучные. Здесь есть все: и лира, и Терпсихора, и ночная тишина, и воздушные призраки, и длинные ресницы. "Я прославлял любовь, любовью распаленный! Я страстен лишь тобой!" — восклицает Денис, воспламенившийся Ивановой "с чистою страстью целомудренного и пламенного Петрарки". Через двадцать лет после первой встречи Давыдова с Ивановой, к тому времени уже вышедшей замуж за балетмейстера Глушковского, Денис говорил, что "эдаких глаз он уже потом не видывал — голубых, чудных, небесных!".

Не улетай, прелестное созданье!

Феерический успех сопутствовал выступлениям в Москве и Петербурге двум гастролершам-иностранкам — Марии Тальони и Фанни Эльслер.

Тальони пользовалась в Петербурге такой популярностью, что появились карамель "Тальони", вальс "Возврат Тальони", шляпы "Тальони". Петр Каратыгин написал водевиль "Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони", в котором особый успех имел куплет:

Тальони прелесть, удивленье,
Так неподдельно хороша,
Что у нее в простом движенье
Заметна дивная душа...
Об ней не рассказать словами,
Не обсудить ее умом;
Что говорит она ногами,
Того не скажешь языком.

А Москва сходила с ума по Фанни Эльслер. Ее языческий танец нашел здесь самых горячих поклонников. Как Москва прощалась со своей любимицей, выступавшей в последнем перед ее отъездом на родину в Австрию спектакле! По воспоминаниям современников: "Давали "Эсмеральду". Вся сцена, в полном смысле слова, была засыпана цветами... Во втором акте, в той сцене, где Эсмеральда пишет на стене имя своего любимца Феба, Фанни неожиданно для всех начертала другое, более ей драгоценное — "Москва", пала на колени и облобызала милые литеры. Что тут началось: рукоплескания и рыдания..."

В хоре поэтических восторгов особо выделялись строфы первой русской поэтессы, графини Евдокии Петровны Ростопчиной:

Не улетай, прелестное созданье!
Не покидай тобой плененный край!
Останься нам, сердец очарованье,
Не улетай!..

"Бродячая собака"

Богема начала века тоже обожала балерин. Так, в кабаре "Бродячая собака" в 1914 году прямо среди публики, на маленьком пространстве, окруженном гирляндами цветов, танцевала изумительная балерина Тамара Карсавина. В награду ее поэтические друзья преподнесли Карсавиной альманах "Букет", в котором факсимильно воспроизводились посвященные Карсавиной стихи — Ахматовой, Кузмина, Гумилева, Георгия Иванова, Лозинского. Альманах оформил художник Сергей Судейкин, ему же принадлежали эскизы костюмов для этой импровизации. Вот одно из восторженных поэтических всплесков в честь Карсавиной. Стихотворение Михаила Лозинского, воспевшего Карсавину в образе Саломеи.

О, пляши для меня, Саломея,
О, пляши для меня, — я устал. —
Всередеющим облаком вея
Сумасшедших твоих покрывал!

И когда, несказанно бледнея,
Ты замрешь, как те солнца в пруду,
Красота, моя дочь, Саломея,
Я к коленям твоим припаду...

Дымное исчадье полнолунья

Много позже после того вечера в "Бродячей собаке" Анна Ахматова увидела танец ленинградской балерины Татьяны Вечесловой. Придя к ней за кулисы, Анна Андреевна сказала:

— Таня! Вы жар-птица!

Затем в квартире у балерины раздался телефонный звонок. "Беру трубку", — вспоминает Татьяна Вечеслова.

— Таня, это Анна Андреевна. Я только что написала о вас стихи.

— Анна Андреевна, прочтите!

— Не могу, никогда не читаю сразу стихов. Они еще сырые. Должны отлежаться.

— Анна Андреевна, это жестоко, — говорю я, забывая, что слово "жестоко" в данном случае неуместно, и все же это кажется мне жестоким. — Я не дам вам покоя, пока вы не прочтете. Ну, поймите, как же я могу ждать? Прошу вас...

— Хорошо, слушайте:

Дымное исчадье полнолунья,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камей.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

Михаил Барышников.

Но балетная тема в творчестве Ахматовой этим не завершается. Анна Андреевна хотела переработать первую, сюжетную часть "Поэмы без героя" в сценарий для балета. Она "увидела (или услышала) свою поэму во сне как трагический балет" и предлагает довольно эффектную драматургическую и режиссерскую разработку балета, который начинается в новогодний вечер 1913 года. В этом фантастическом балете кружатся в танце известные литературные герои — Фауст, Дон Жуан, Командор, знаменитые современники Ахматовой — Шаляпин, Мейерхольд, Анна Павлова, Тамара Карсавина. Здесь есть танцы на зеркале и танец с двойниками, оживают портреты и предстает кабаре "Бродячая собака"...

Сюжет для балета то что надо. Узнаваемый и в то же время театральный, яркий, дающий простор хореографической мысли. Если она, конечно, есть. Но с интересно мыслящими хореографами у нас напряг. Потому балет "Поэма без героя" есть только в дневниках Ахматовой.

Мы на лодочке катались

В понедельник, 16 июня 1924 года, в Петрограде произошло трагическое и странное событие. Двадцатилетняя девушка и четверо молодых людей решили покататься на моторной лодке. Все произошло неожиданно, при выходе из дельты Невы. Мотор лодки перегрелся и отказал. Увлекшись починкой, спутники не заметили шедшего навстречу им парохода. Пароход на полном ходу наскочил на лодку и выбил из нее пассажиров. Мужчины спаслись, девушка погибла. Это была балерина Мариинского театра Лидочка Иванова. Хотя и протанцевала она всего три года и главных ролей не имела, Лида пользовалась восторженной любовью зрителей, ей прочили блестящее будущее, но...

Гибель Лиды Ивановой вызвала шумный отклик в советской прессе и породила массу слухов. Существует три версии ее гибели. Первая — несчастный случай. Вторая — самая эффектная и самая неправдоподобная — эту гибель организовала через своего поклонника и любовника, чекиста Бориса Каплуна, балерина Ольга Спесивцева, чтобы убрать опасную соперницу. Версия удачно монтировалась с дальнейшей судьбой Спесивцевой, сошедшей с ума и таким образом понесшей справедливое наказание за свое злодеяние.

Теория "преступление—наказание" отрабатывалась великолепно. Но все работает против этой версии. Несмотря на балетные успехи Ивановой, она не была в то время соперницей Спесивцевой. К тому же ранней весной Спесивцева навсегда покинула Россию. До соперниц ли тут?.. Есть и третья версия. Лида, пользовавшаяся признанием художественной элиты (среди ее поклонников были художница Зинаида Серебрякова, балетный критик Аким Волынский, поэт Михаил Кузмин), водила знакомство и с сотрудниками ГПУ, бывая вместе с ними на всевозможных вечеринках и приемах. Она могла что-то узнать из того, что ей знать не полагалось, и оказаться опасной для людей в кожанках. Сразу после трагедии капитан корабля рассказал нескольким друзьям Лиды, что моторная лодка не стояла на месте, а намеренно летела прямо на судно. И как только она перевернулась, кто-то бросил мужчинам веревки с борта корабля. Но это только предположения. Официальная версия ГПУ, которое, к удивлению всех, весьма формально вело расследование, говорит, что гибель Ивановой — несчастный случай. Но есть ли в России, неважно какой, красной или нынешней бесцветной, хоть один человек, который верит официальным словам официальных структур? Кстати, труп балерины так и не был найден.

Поэт Михаил Кузмин посвятил два стихотворения Лидии Ивановой. В одном он отрабатывает тему зависти, другое же, написанное спустя три года после трагедии, — лирическое воспоминание о балерине.

...А грезилась волшебная страна,
Фонтаны скрипок, серебристый тюль.
И не гадала милая весна,
Что встретить ей не суждено июль.

Исчезла. Пауза. Безмолвна гладь.
Лишь эхо отвечает на вопрос.
И в легком духе можем отгадать
Мы веянье уже нездешних роз.

Гибель розы

Кто еще был воспет поэтами? Екатерина Гельцер, ее опоэтизировала Софья Парнок, а Константин Бальмонт написал стихи и в честь балерины, и в честь художника, запечатлевшего балерину. Это стихотворение "К Анне Павловой кисти Сорина", где поэт стремится выразить впечатление и от танца Павловой, и от картины художника. Майе Плисецкой посвятили стихи Андрей Дементьев, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина. Помимо этого Плисецкая еще и станцевала стихотворение. Это балет "Гибель розы", специально для нее поставленный Роланом Пети по стихотворению Уильяма Блейка "Гибель розы" — "О, роза, ты больна, какой-то червь ничтожный...". Особенно хороша была балерина во второй части балета, в двенадцатиминутном па-де-де, близко следующем сюжету стихотворения. Юноша, влюбленный в розу, иссушает ее своей страстью, роза, роняя лепестки, вянет в его объятиях.

Единственный мужчина

А что же танцовщик-мужчина? Неужели он не достоин быть воспетым? Почему такая несправедливость, такое ущемление мужских прав?

Но нет, есть один-разъединственный, кому повезло, и он вошел не только в историю балета, но и в поэтические сборники. Это Михаил Барышников.

Его друг, поэт Иосиф Бродский, который не любил танец, но часто ходил смотреть Барышникова, посвятил ему стихотворение, где ядовито и красиво описал блеск и нищету классического балета.

В имперский мягкий плюш мы втискиваем зад,
И, крылышкуя скорописью ляжек,
Красавица, с которою не ляжешь,
Одним прыжком выпархивает в сад...

Как славно ввечеру, вдали всея Руси,
Барышникова зреть. Талант его не стерся!
Усилие ноги и судорога торса
С вращением вкруг собственной оси.

В финале Иосиф Бродский предлагает всем нам переместиться в США. Что же, едем или подождем? Там хорошо, там Михаил Барышников, Наталья Макарова, Владимир Малахов... Но там нет поэтов, кроме Бродского, никто не прижился на американской земле. Все другие великие здесь, Пушкин с нами. А может быть, те, кто любит балет, — туда, а те, кто поэзию, — тут? Хотя зачем такая нервотрепка? Может, никуда и не ехать, а просто читать "Фуэте", где все вместе — два в одном. А бывает и три, и четыре, и пять.

Карсавина Тамара